

ISSN 0869-6365

литературное
НОВОЕ
обозрение

№ **124** 6'2013

Илья УТЕХИН	343	К истории антропологического взгляда на визуальность (<i>Рец. на кн.: Made to Be Seen. Chicago; L., 2011</i>)
СВЕТЛАНА ЛУЧИЦКАЯ	350	Красный рыцарь, золотое небо и сияющие витражи: как писать историю цвета в Средние века (<i>Рец. на кн.: Farbe im Mittelalter: Materialität – Medialität – Semantik. Berlin, 2011. Bd. 1–2</i>)
ОЛЬГА МАЛИНОВА-ТЗИАФЕТА	359	(Пост)советские дачи и дачники, воображаемые и реальные (<i>Рец. на кн.: Caldwell M.L. Dacha Idylls. Berkeley; L.A., 2011</i>)
Владимир ЛАПИН	367	О штабах, фураже, морозе и воинской доблести (<i>Рец. на кн.: Ливен Д. Россия против Наполеона: борьба за Европу, 1807–1814. М., 2012</i>)
Евгений САВИЦКИЙ	378	Как писать историю нищих, бродяг и мигрантов в России: научные и политическо-эстетические стратегии исследователя (<i>Рец. на кн.: Jahn H.F. Armes Russland. Paderborn; München; Wien; Zürich, 2010</i>)
	387	Новые книги
Евгений НИКИТИН	406	Письмо в редакцию
	408	От редакции

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

АЛЕКСАНДР ЛЕВАШОВ, ВЕРА МИЛЬЧИНА, ВЕРА МОСТОВАЯ ВЕРА ПОЛИЛОВА	409	Гаспаровские чтения – 2013 (<i>Москва, РГГУ, 18–20 апреля 2013 г.</i>)
РОМАН КАЗАКОВ, МАРИНА РУМЯНЦЕВА	432	Идеи А.С. Лаппо-Данилевского в интеллектуальных контекстах XX–XXI веков: «круглый стол» к 150-летию со дня рождения А.С. Лаппо-Данилевского (<i>РГГУ, 6 апреля 2013 г.</i>)
	440	Summary
	445	Наши авторы

ние создано во время войны, и намеренно называет датой его написания 1946 год. В это время он, Наровчатов и Слуцкий с восторгом обсуждают печально известное постановление 1946 года (видя в нем возврат к линии Коминтерна), и потому Самойлов, стремясь в позднем эссе покаяться во всех своих грехах по отношению к Пастернаку, задним числом и свой антипастернаковский стих приурочивает к этой дате. Между прочим, в 1946 году Самойлову предлагали опубликовать что-нибудь против Пастернака, причем влиятельный Всеволод Вишневский сулил ему за эту публикацию возможность напечатать собственный сборник. Печатать стихотворение Самойлов отказался, что его отчасти оправдывает, но об этих смягчающих обстоятельствах он в позднем эссе о Пастернаке ничего не говорит, потому что хочет рассказать о своей вине перед ним, не ища оправданий. Он даже готов взять на себя часть чужой вины (реплика по поводу выступления Бориса Слуцкого на собрании, где Пастернака исключали из Союза писателей: «Каюсь, я не ужаснулся»), но своей вины никому отдавать не хочет.

Поскольку в докладе Немзер процитировал фразу Слуцкого: «Надо писать для умных секретарей райкомов», конференция закончилась обсуждением вопроса о том, в самом ли деле нужно для них писать, а главное, существуют ли они. Отрицательные ответы явно преобладали над положительными.

Вера Мильчина

ИДЕИ А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ КОНТЕКСТАХ XX–XXI ВЕКОВ: «КРУГЛЫЙ СТОЛ» К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО

(РГГУ, 6 апреля 2013 г.)

27 января 2013 года исполнилось 150 лет со дня рождения русского историка, методолога, педагога, организатора науки, профессора, академика Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского (1863–1919). В этот день Научно-педагогическая школа источниковедения — сайт Источниковедение.ru открыла виртуальный «круглый стол» для обсуждения восприятия концепции А.С. Лаппо-Данилевского и реализации его идей в разных сферах гуманитарного знания в XX — начале XXI в.⁴ Научно-педагогическая школа источниковедения выступила одним из инициаторов этого обсуждения в силу того, что в своих концептуальных основах она непосредственно восходит к наследию русского методолога: НПШ сложилась и с 1939 по 2011 год существовала на основе кафедры вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института (с 1991 года — в составе РГГУ; с 1994 года — кафедра источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин), которой с 1943 по 1949 год заведовал ученик А.С. Лаппо-Данилевского Александр Игнатьевич Андреев (1887–1959) — ленинградский историк, эвакуированный в Москву из блокадного Ленинграда и ставший профессором Московского государственного историко-архивного института. После ликвидации кафедры НПШ источниковедения консолидирована на основе сайта Источниковедение.ru⁵.

4 Материалы «круглого стола» размещены и в настоящее время продолжают обсуждаться на сайте Источниковедение.ru — http://ivid.ucoz.ru/publ/anonsy_npsh/lappo_150/14-1-0-136 — в режиме интернет-конференции.

5 Источниковедение.ru [Электронный ресурс]: страница Науч.-пед. школы источниковедения / Редкол.: Д.А. Добровольский и др. Электрон. дан. М., сор 2010–2012. URL: <http://ivid.ucoz.ru/> (дата обращения 01.05.2013).

А.И. Андреев привнес, насколько это было возможно в годы, существенную методологическую составляющую, о чем А.С. Лаппо-Данилевский, в изучение и преподавание вспомогательных исторических дисциплин. В конце XX в. давление так называемой марксистско-ленинской идеологии на методологию в исторической науке, в НПШ источниковедения феноменологическая источниковедческая концепция, оформление которой связано, в первую очередь, с трудом ученицы Александра Игнатьевича Андреева Ольги Михайловны (1922–2007)⁶ — автора концепции когнитивной истории, которой был посвящен «круглый стол» «Концепция когнитивной истории» к 90-летию со дня рождения Ольги Михайловны совместно Научно-педагогической школой источниковедения и истории гуманитарного знания Института Российского государственного гуманитарного университета 2012 года⁷.

Отметим, что одним из результатов работы Научно-педагогической школы по изучению наследия А.С. Лаппо-Данилевского является переиздание его «Методологии истории», которая в переиздании сопровождается обширными вступительными статьями и углубить уже намечившуюся в ходе предшествующих конференций рецепции наследия русского методолога в современной науке и вывести дискуссию на новый уровень сочетания эмпирической реальности исторического мира (с его феноменологическим методом истории к

На обсуждение были вынесены вопросы, позволившие охватить А.С. Лаппо-Данилевского в гуманитарном знании и русское неокантианство — общие черты и специфику исторического познания в русской версии неокантианства. А.С. Лаппо-Данилевского как объект изучения; в методологии истории и эпистемологии гуманитарного знания в источниковедении, дипломатике

- 6 Медушевская О.М. Теория и методология истории. М., 2008; Она же. Феноменология А.С. Лаппо-Данилевского в гуманитарном познании // Исторические исследования. 2008. № 1. С. 100–136; Она же. Эмпирическая реальность исторического познания // Вспомогательные исторические дисциплины — источниковедение — методология гуманитарного знания: материалы науч. конф. М., 2008. Ч. 1. С. 24–34.
- 7 Румянцева М.Ф. Научное наследие Ольги Михайловны Медушевской // Когнитивная история: исследовательские практики: Чтения в память Ольги Михайловны Медушевской. М., 2011. С. 10–15.
- 8 Концепция когнитивной истории: науч.-пед. школа источниковедения и истории гуманитарного знания. М.: РГГУ, 2012. URL: <http://www.rgu.ru/> [Электронный ресурс].
- 9 Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. М.: РОССПЭН, 2012. URL: <http://www.rgu.ru/> [Электронный ресурс].

А.И. Андреев привнес, насколько это было возможно в 1940-е и последующие годы, существенную методологическую составляющую, основанную на концепции А.С. Лаппо-Данилевского, в изучение и преподавание источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. В конце XX в., в связи с ослаблением давления так называемой марксистско-ленинской идеологии и нарастанием полиметодологизма в исторической науке, в НПСИ источниковедения получила развитие феноменологическая источниковедческая концепция методологии истории, оформление которой связано, в первую очередь, с трудами непосредственной ученицы Александра Игнатьевича Андреева Ольги Михайловны Медушевской (1922–2007)⁶ — автора концепции когнитивной истории, творческому наследию которой был посвящен «круглый стол» «Концепция когнитивной истории: “круглый стол” к 90-летию со дня рождения Ольги Михайловны Медушевской», проведенный совместно Научно-педагогической школой источниковедения и кафедрой теории и истории гуманитарного знания Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета в сентябре — октябре 2012 года⁷.

Отметим, что одним из результатов работы Научно-педагогической школы источниковедения по изучению наследия А.С. Лаппо-Данилевского стало недавнее переиздание его «Методологии истории», которая впервые вышла в полном виде, сопровождаемая обширными вступительными статьями и комментариями⁸.

«Круглый стол» к 150-летию А.С. Лаппо-Данилевского призван был развить и углубить уже наметившуюся в ходе предшествующих дискуссий проблематику рецепции наследия русского методолога в современном гуманитарном познании и вывести дискуссию на новый уровень сочетания эпистемологической рефлексии и исследовательских практик, в первую очередь в области источниковедения, не только традиционно воспринимаемого как вспомогательная историческая дисциплина, но и понимаемого в качестве самостоятельной дисциплины исторической науки со своим предметом — всей совокупностью произведений культуры / эмпирической реальностью исторического мира (термин О.М. Медушевской) и со своим феноменологическим методом истории как строгой науки.

На обсуждение были вынесены вопросы, позволяющие, на взгляд организаторов «круглого стола», репрезентативно охватить проблему рецепции наследия А.С. Лаппо-Данилевского в гуманитарном знании XX — начала XXI века: немецкое и русское неокантианство — общие черты и национальная специфика; проблемы исторического познания в русской версии неокантианства; творческое наследие А.С. Лаппо-Данилевского как объект изучения; идеи А.С. Лаппо-Данилевского в методологии истории и эпистемологии гуманитарного знания; идеи А.С. Лаппо-Данилевского в источниковедении, дипломатике и археографии. Надо признать,

6 Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М., 2008; Она же. Феноменология культуры: концепция А.С. Лаппо-Данилевского в гуманитарном познании Новейшего времени // Исторические записки. М., 1999. Т. 2 (120). С. 100–136; Она же. Эмпирическая реальность исторического мира // Вспомогательные исторические дисциплины — источниковедение — методология истории в системе гуманитарного знания: материалы XX междунар. науч. конф. М., 2008. Ч. 1. С. 24–34. См. также: Казаков Р.Б., Румянцева М.Ф. Научное наследие Ольги Михайловны Медушевской // Когнитивная история: концепция — методы — исследовательские практики: Чтения памяти профессора Ольги Михайловны Медушевской / Отв. ред. М.Ф. Румянцева, Р.Б. Казаков. М., 2011. С. 9–36.

7 Концепция когнитивной истории: круглый стол к 90-летию со дня рождения Ольги Михайловны Медушевской [Электронный ресурс].

8 Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории: В 2 т. / Подгот. текста: Р.Б. Казаков, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М.: РОССПЭН, 2010.

что не все из них вызвали равный интерес. Но ко времени очного «круглого стола» уже определились узловые моменты дискуссии, что позволило организовать работу в двух секциях: «Эпистемологическая концепция А.С. Лаппо-Данилевского в интеллектуальных контекстах XX—XXI вв.» и «Идеи А.С. Лаппо-Данилевского в историографии и источниковедении начала XXI в.».

Не все участники интернет-конференции смогли принять очное участие в обсуждении, с другой стороны, был представлен ряд докладов, не вывешенных на сайте. Попытаемся в нашем анализе соединить рассмотрение как виртуальной, так и очной частей «круглого стола».

«Круглый стол» открыла председатель Оргкомитета заместитель директора Института всеобщей истории РАН и заведующая кафедрой теории и истории гуманитарного знания Института филологии и истории РГГУ Л.П. Репина. Репина подчеркнула актуальность и востребованность трудов А.С. Лаппо-Данилевского по истории науки в предметном поле интеллектуальной истории, интерес к наследию историка со стороны не только исторического знания, но и иных гуманитарных и социальных наук.

Дискуссия строилась вокруг нескольких основных проблем:

- философские основания эпистемологической концепции А.С. Лаппо-Данилевского;
- рецепция идей А.С. Лаппо-Данилевского в современном историческом познании;
- идеи А.С. Лаппо-Данилевского в источниковедении письменных и визуальных источников;
- источниковедение историографии как предметное поле актуального исторического знания и его концептуальные основы.

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО

Этой проблематике были посвящены три доклада: «Методология истории А.С. Лаппо-Данилевского в контексте русской версии неокантианства» М.Ф. Румянцевой (НИУ ВШЭ), «Неокантианство немецкое и русское: от идиографии к историзму» О.В. Сеницына (Казанский (Приволжский) ФУ), «Гносеологический и социальный контексты неокантианского дискурса А.С. Лаппо-Данилевского» С.П. Рамазанова (Волжский гуманитарный институт — филиал Волгоградского ГУ).

Философские взгляды А.С. Лаппо-Данилевского принято характеризовать как неокантианские. М.Ф. Румянцева обратила внимание на то, что историки философии зачастую игнорируют российское неокантианство, не рассматривая его в качестве заметного философского явления на том парадоксальном основании, что таких русских мыслителей, как А.И. Введенский, И.И. Лапшин и др., нельзя причислить к последователям каких-либо немецких неокантианцев⁹. С другой стороны, противоречия в трактовке соотношения немецкого и российского неокантианства полномасштабно выявлены в концепции О.М. Медушевской, которая, характеризуя актуальное состояние исторического познания, четко противопоставляет «философию уникальности и идиографичности исторического знания, исключающего перспективу поиска закономерности и видящего организующий момент такого знания в ценностном выборе историка как познающего субъекта», и «парадигму истории как строгой науки, стремящейся выработать совместно с науками о природе и науками о жизни общие критерии системности, точности и доказательности нового знания»¹⁰. Первая очевидным образом восходит к неокантианству Баденской школы, а вторую О.М. Медушевская возводит

9 Например: Русская философия: малый энциклопедический словарь. М., 1995.

10 Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. С. 15—16.

к неокантианству же, но уже в интернете это противоречие и спровоцировало русское неокантианство и попытку решения гуманитарного познания, исход лет разошлись до такой степени, что

На обсуждение были вынесены два самостоятельное / оригинальное эпистемологическое основание и специфика которого — вния / историческому источнику в отточившегося на исследовании логики Г. Риккерт); (2) различие русского и ва — один из существенных факторов методологии истории в России и на 3

Тему соотношения немецкого и рус Докладчик трактовал становление рр позитивистско-материалистического на религиозно-философское ее пони трансцендентности, априорных раш При этом, по мнению О.В. Сеницына, тики немецкого идиографизма, не пских и идиографических наук по их отношения русских неокантианцев к графии в историческом познании. О

ское направление в России в начале 1

Размышления о специфике русско и гносеологических условий его форм отменивший в концепции А.С. Лаппо-ческой науки на обобщающе-систем «типологических» и «номологическ факторов, обусловивших специфику ентация русской историографии на р характера исторического процесса; вли после Первой русской революции на к постулату немецких неокантианце ценностей. Автор обратил внимание в том числе А.С. Лаппо-Данилевский дователями и осмысливали не только физическую практику, сколько собстве

РЕЦЕПЦИЯ ИДЕЙ А. В СОВРЕМЕННОМ ИИ

Выход из методологического криза повышенной методологической рефции опыта эпистемологических по в том числе и исторического, рубеж

Яркий и эмоциональный доклад «Методологии» был посвящен апологичными наблюдениями над опытом ского в советской историографии. А.С. Лаппо-Данилевского на Л.В. Черетных архивах¹¹. Специальное в

11 Черетных Л.В. Русские ков: В 2 т. М.: Л., 1948—

к неокантианству же, но уже в интерпретации А.С. Лаппо-Данилевского. Именно это противоречие и спровоцировало желание специально исследовать феномен русского неокантианства и попытаться выяснить, каким же образом два направления гуманитарного познания, исходя из одного неокантианского истока, за столетия разошлись до такой степени, что стало возможным их противопоставление.

На обсуждение были вынесены два тезиса: (1) русское неокантианство — самостоятельное / оригинальное эпистемологическое направление, системообразующее основание и специфика которого — во внимании к объекту исторического познания / историческому источнику в отличие от немецкого неокантианства, сосредоточившегося на исследовании логики исторического познания (В. Виндельбанд, Г. Риккерт); (2) различие русского и немецкого (Баденская школа) неокантианства — один из существенных факторов, обусловивших различие путей развития методологии истории в России и на Западе на протяжении всего XX века.

Тему соотношения немецкого и русского неокантианства развил О.В. Сеницын. Докладчик трактовал становление русского неокантианства как ответ на вызовы позитивистско-материалистического объяснения реальности, с одной стороны, и на религиозно-философское ее понимание, с другой; как поиск действительной трансцендентности, априорных рациональных оснований человеческого бытия. При этом, по мнению О.В. Сеницына, русские неокантианцы выступили и как критики немецкого идиографизма, не поддержав резкое разграничение номотетических и идиографических наук по их методу. Акцентируя внимание на специфике отношения русских неокантианцев к проблеме соотношения номотетики и идиографии в историческом познании, О.В. Сеницын определил историко-теоретическое направление в России в начале XX в. как русский идеалистический историзм.

Размышления о специфике русского неокантианства и специфике социальных и гносеологических условий его формирования продолжил С.П. Рамазанов, также отметивший в концепции А.С. Лаппо-Данилевского утверждение о праве исторической науки на обобщающе-систематизирующую работу, на формулировку ее «типологических» и «номологических» понятий. С.П. Рамазанов выделил ряд факторов, обусловивших специфику русского неокантианства: устойчивая ориентация русской историографии на раскрытие закономерного прогрессивного характера исторического процесса; влияние неокантианского направления в годы и после Первой русской революции на критическое отношение русских историков к постулату немецких неокантианцев об абсолютной трансцендентной природе ценностей. Автор обратил внимание и на то, что многие русские неокантианцы, в том числе А.С. Лаппо-Данилевский, были по преимуществу историками-исследователями и осмысливали не только и не столько предшествующую историографическую практику, сколько собственный исследовательский опыт.

РЕЦЕПЦИЯ ИДЕЙ А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО В СОВРЕМЕННОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ

Выход из методологического кризиса конца XX века потребовал от историков повышенной методологической рефлексии, а также заставил обратиться к рецепции опыта эпистемологических поисков преодоления кризиса научного знания, в том числе и исторического, рубежа XIX—XX вв.

Яркий и эмоциональный доклад Н.В. Середы (Тверской ГУ) «Реабилитация методологии» был посвящен апологии методологии, которая сопровождалась ценными наблюдениями над опытом обращения к наследию А.С. Лаппо-Данилевского в советской историографии. Докладчица показала воздействие концепции А.С. Лаппо-Данилевского на Л.В. Черепнина, особенно на его исследование о феодальных архивах¹¹. Специальное внимание было уделено восприятию и критике

11 Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV—XV веков: В 2 т. М.: Л., 1948—1951.

идей А.С. Лаппо-Данилевского в работе Л.Н. Пушкарева о классификации письменных исторических источников и в предисловии к ней Л.В. Черепнина¹², продемонстрировавших, что критика — с так называемых «материалистических» позиций — подхода А.С. Лаппо-Данилевского к определению понятия *исторический источник* сопровождалась восприятием этого понятия на уровне исследовательской практики, что, по мнению Н.В. Середы, в наибольшей степени проявилось в трудах С.М. Каштанова по дипломатике¹³. Нельзя не согласиться с Н.В. Середой в том, что «всплывшее [так?!] в 1990-х г. определение исторического источника как продукта/фрагмента прошлой реальности было, по сути, подготовлено учеными предшестующего поколения, работавшими в марксистской парадигме, потому что оно в значительной мере отвечало материализму и марксизму, основанному на его идеях». Правда, необходимо со всей определенностью подчеркнуть, что понимание исторического источника как «фрагмента прошлой реальности» не имеет ни малейшего отношения к концепции А.С. Лаппо-Данилевского и свидетельствует лишь о ее вульгаризации под воздействием советской разновидности «марксизма».

Специальному анализу рецепции идей А.С. Лаппо-Данилевского в области истории культуры посвящен доклад Л.Б. Сукиной (НОУ Институт программных систем / Университет города Переславля) «*Концепция истории русской культуры XVII века А.С. Лаппо-Данилевского и ее место и роль в современных гуманитарных исследованиях*». Докладчица подчеркнула тесную связь исследований А.С. Лаппо-Данилевского в области истории русской культуры с его методологической концепцией; принцип «признания чужой одушевленности», системообразующий в методологической рефлексии историка, заставил его обратиться пристальное внимание на формирование национального и личного «я» в русской культуре и общественной мысли. Докладчица прослеживает связь такого подхода не столько с неокантианством, сколько с научными традициями петербургской исторической школы того времени и отмечает глубинное и не всегда эксплицированное воздействие концепции вестернизации и секуляризации русской культуры в XVII в. А.С. Лаппо-Данилевского на исследования по истории русской культуры в последние десятилетия, когда обострился интерес к российскому XVII веку.

Экспликацию глубинных оснований современной интеллектуальной истории, понимаемой предельно широко как открытая исследовательская модель, сочетающая в себе методы изучения истории идей (общественной мысли), истории науки, классической историографии с методами новой интеллектуальной истории, продолжила Т.А. Бульгина (Северо-Кавказский ФУ) в докладе «*А.С. Лаппо-Данилевский об истории идей и интеллектуальной истории*». Докладчица обнаружила в построениях А.С. Лаппо-Данилевского истоки некоторых современных подходов, используя метод скорее интеллектуальной реконструкции истории идей, чем гетерогенной критики конкретных историографических произведений.

И в целом можно сказать, что представленные на «круглом столе» доклады не столько предложили решение проблемы рецепции идей А.С. Лаппо-Данилевского, сколько наметили направления для дальнейших исследований.

Еще три исследовательских поля, представленных в проблематике «круглого стола», конкретизируют рецепцию источниковедческих идей А.С. Лаппо-Данилевского — в области классического источниковедения письменных источников, источниковедения визуальных источников и источниковедения историографии.

ИДЕИ А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО В ИСТОЧНИКОВЕДИЕНИИ ПИСЬМЕННЫХ И ВИЗУАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ

Предложенные на «круглом столе» доклады по источниковедению письменных источников демонстрировали разные уровни соотношения методологической

12 Пушкарев Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975.

13 Каштанов С.М. Очерки русской дипломатики. М., 1970.

рефлексии и исследовательской практикой методологической рефлексии и исторической школы источниковедения, базировавшейся на идеях А.С. Лаппо-Данилевского, в 1950—1990-е гг. Классификация исторических источников российской истории и принципов их создания видовых методик анализа исторических источников были наиболее последовательными

А.А. Бондаренко (РГГУ) в докладе «*Историческое источниковедение А.С. Лаппо-Данилевского и его место в истории источниковедения частных актов, актовой теории и исследовательской практики источниковедения А.С. Лаппо-Данилевского*». Отметим особую актуальность с тем, что повышенная теоретическая значимость последних десятилетий так и не привнесла в методологический инструментарий источниковедения — виду исторических источников — от методологии истории А.С. Лаппо-Данилевского. Цепочка современного источниковедения

Проблема критериев определения исторического источника была рассмотрена в докладе Л.Н. Мазур («*Сын Отечества*» (1826—1827) и «*Классификация*»). Докладчица показала особую значимость инкорпорированной в повременное издание критерия целеполагания / социальности при решении столь сложной исследовательской задачи

В.Я. Мауль (филиал Тюменского госуниверситета в Нижневартовске) в докладе «*Проблемы исторического источниковедения*» предпочел своим собственным исследованиям, основанным на так называемом «анализе немногочисленных опытов историка — допросов пугачевцев — в российской историографии»

Одной из форм трансформации исторического знания, его эпистемологических оснований на рубеже XX—XXI вв. стал визуализм, который ставит вопрос о возможности постановки проблем историков. Эта тема также не осталась без внимания

Л.Н. Мазур (Уральский ФУ) в докладе «*Историческая наука на рубеже XX—XXI вв.: в поисках новых аспектов*» рассмотрела причины и следствия исторического знания, в частности, на такой его дискурсивной плоскости, как «образ», «облик», «образность» различных тематических исследованиях по изучению сюжетов социальной, политической

14 Результаты этой работы представлены в монографии В.В. Медушевской. Медушевская В.В. История. Теория исторической мысли. Учеб. пособие. М.: ИИЭ РАН, 2004. Медушевская В.В. Учеб.-метод. модуль: предметная история / Сост.: Р.Б. Казанцев, Л.С. Мясникова. М., 2004; История. Теория исторической мысли. Учеб.-метод. модуль: предметная история. М.: ИИЭ РАН, 2004.

рефлексии и исследовательской практики. Основным направлением теоретико-методологической рефлексии и исследовательской практики Научно-педагогической школы источниковедения, базирующейся на ключевых идеях концепции А.С. Лаппо-Данилевского, в 1950–1990-х гг. была разработка видовой принципа классификации исторических источников, видовой структуры корпуса источников российской истории и принципов компаративного источниковедения, а также создание видовых методик анализа исторических источников¹⁴. Именно эти подходы были наиболее последовательно представлены на «круглом столе».

А.А. Бондаренко (РГГУ) в докладе «*Теоретические основания актового источниковедения А.С. Лаппо-Данилевского в дипломатике литовских средневековых актов*» обратился к наследию А.С. Лаппо-Данилевского в области дипломатики — источниковедения частных актов, акцентировав внимание на взаимодействии теории и исследовательской практики в научном творчестве А.С. Лаппо-Данилевского. Отметим особую актуальность такой постановки проблемы в связи с тем, что повышенная теоретическая рефлексия российской гуманитаристики последних десятилетий так и не привела к последовательной трансформации методологического инструментария конкретно исторических исследований. Существенное внимание автор уделит основной классификационной категории источниковедения — виду исторических источников, раскрыв развитие этого понятия от методологии истории А.С. Лаппо-Данилевского до феноменологической концепции современного источниковедения.

Проблема критериев определения видовой принадлежности исторического источника была рассмотрена в докладе Е.В. Плавской (РГГУ) «*Публицистика в журнале “Сын Отечества” (1826–1852): проблема выявления и видовой идентификации*». Докладчица показала особую сложность выявления публицистики, инкорпорированной в повременное издание, и продемонстрировала универсальность критерия целеполагания / социальной функции исторического источника при решении столь сложной исследовательской проблемы.

В.Я. Мауль (филиал Тюменского государственного нефтегазового университета в Нижневартовске) в докладе «*Протоколы допросов пугачевцев в зеркале новой парадигмы источниковедения*» предпочел отречься от архивного снобизма, по-прежнему свойственного многим историкам, признающим «новизну» только за исследованиями, основанными на так называемых «архивных» источниках, и обратился к анализу немногочисленных опытов нового прочтения хорошо известного источника — допросов пугачевцев — в российской историографии 2000-х годов.

Одной из форм трансформации социокультурного значения исторического знания, его эпистемологических оснований и исследовательского инструментария на рубеже XX–XXI вв. стал визуальный поворот, благодаря которому появилась возможность поставить вопрос типологии и специфики визуальных источников. Эта тема также не осталась без внимания участников «круглого стола».

Л.Н. Мазур (Уральский ФУ) в докладе «*“Визуальный поворот” в исторической науке на рубеже XX–XXI вв.: в поисках новых методов исследования*» многоаспектно рассмотрела причины и следствия визуального поворота, обратив внимание, в частности, на такой его дискурсивный маркер, как проникновение в словарь историка слов «образ», «облик», «картина» и проч., используемых в самых разных тематических исследованиях: от традиционно историографических работ до изучения сюжетов социальной, политической, интеллектуальной истории, ис-

14 Результаты этой работы см.: Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф. Источниковедение. История. Теория. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие. М., 1998; Румянцева М.Ф. Теория истории: Учеб. пособие. М., 2002; Источниковедение: Учеб.-метод. модуль: программы курсов и планы семинаров / Сост.: Р.Б. Казаков, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М., 2004; Источниковедение: проблемные лекции: Учеб.-метод. модуль / Сост.: Р.Б. Казаков, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М., 2005.

тории повседневности и проч.», при неопределенности и непроясненности этих понятий. Докладчица также сформулировала ряд вопросов, спровоцированных визуальным поворотом в историческом познании: «Можно ли рассматривать визуальные образы как источники исторической информации? Какие методы наиболее адекватны задачам изучения визуальных образов? Как соотносить язык образов с вербальным языком? Что такое образ и является ли визуальность его необходимым свойством? Как функционирует образ в сознании, памяти, творческом воображении? Каково соотношение исторической реальности и исторических форм визуальной культуры?» и т.д.

З.М. Рубина (ГИМ) в обширном докладе «Семейный фотографический архив как исторический источник (на примере архива семьи Левичких из коллекции ГИМ)» предложила опыт исследования целостного комплекса визуальных источников, продемонстрировав как новые возможности, открывающиеся при обращении к фотографиям как историческому источнику, так и возникающие методические трудности и ограничения при оперировании неписьменными историческими источниками.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ИСТОРИОГРАФИИ КАК ПРЕДМЕТНОЕ ПОЛЕ АКТУАЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ И ЕГО КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ

Перспективным направлением рецепции методологии истории А.С. Лаппо-Данилевского является применение источниковедческого метода в изучении историографии в активно формирующемся предметном поле источниковедения историографии в более широком контексте интеллектуальной истории. Не случайно именно этой проблематике была посвящена большая часть докладов, представленных на «круглом столе».

В.Д. Камынин (Уральский ФУ) в докладе «Идеи А.С. Лаппо-Данилевского в источниковедении и положение в современной историографической науке», отталкиваясь от полемики между С.И. Маловичко и Н.Н. Алеврас, разгоревшейся в ходе «круглого стола» «Концепция когнитивной истории», выступил за определенность категориального аппарата историографии и соответственно за строгое понимание термина «историографический источник» и четкое размежевание его с понятием «исторический источник», без чего, по мнению автора, страдает культура историографического исследования.

Позволим себе и мы вмешаться в эту полемику. На наш взгляд, разногласия по поводу соотношения понятий «историографический источник» и «исторический источник» мнимые и имеют причиной смешение уровней классификации исторических источников. Историографические источники не противостоят историческим источникам в качестве самостоятельных классификационных единиц. Согласно концепции А.С. Лаппо-Данилевского, развитой впоследствии Научно-педагогической школой источниковедения, исторический источник — это любой (!) результат творческой активности человека / продукт культуры. И именно в качестве таковых историографические источники являются историческими источниками, представляя внутри них отдельный вид (группу видов), соответствующий определенной сфере деятельности человека — изучению и писанию истории. И здесь необходимо акцентировать внимание на базовом принципе современного источниковедения — важности выявления видовой специфики исторического источника. В полной мере это относится и к историческим трудам — историографическим источникам: исследуя «взгляды» историка на современном уровне, необходимо учитывать, где, в произведении какого жанра они высказаны — в специальной монографии, посвященной детальному и глубокому анализу интересующей историка проблемы; в статье, при исследовании которой необходимо обращать внимание на специфику издания, для которого она предназначена, в докладе на конференции и в опубликованных тезисах или в учебнике, учебном пособии, курсе лекций.

Не меньший интерес с точки зрения источниковедения представляет, на наш взгляд, все историческое знание на социально ориентированную историческую науку. Именно этой проблеме (Московский государственный областной университет) посвящен доклад «Роль историографического исследования, выполненный историей с применением источниковедения» Н.В. Некрасова (РГГУ) в докладе «Роль интеллектуального пространства Твери» из положений, заявленных в докладе о соотношении социально ориентированной

При источниковедческом подходе к изучению автора исторического источника историографическое произведение — историческое исследование — историческое исследование историографии было (Северо-Кавказский ФУ) «Биография у

Особый интерес с точки зрения заявленной темы доклада, в которых исследовалась «творческая деятельность историка», включая конкретные практики исторического исследования.

Н.Н. Алеврас (Челябинский ГУ) в докладе «Историческая культура русских историков» обратил внимание на А.С. Лаппо-Данилевского не на ее содержании, как это было в случае с А.С. Лаппо-Данилевского, а на ее роли в историческом диспуте как особой разновидности порождающей дискуссионную культуру в авторском характере речи А.С. Лаппо-Данилевского, что «едва ли не впервые в опыте презентации исторического источника в историческом диспуте» «была представлена новая модель презентации методологических принципов исторического исследования для современного исторического исследования».

В междисциплинарном пространстве исторического исследования был выполнен доклад Р.Б. Казакова «Историческое исследование историографических курсов А.С. Лаппо-Данилевского», в котором историческое исследование исторического исследования специфическим образом исторического исследования историографических курсов А.С. Лаппо-Данилевского, в трудах А.С. Лаппо-Данилевского.

Н.Ю. Болотина (РАНХиГС) в докладе «Историческое исследование исторических материалов МАМЮ, Государственный архив Российской Федерации» описала одну из важных работ историка.

В целом, «круглый стол» позволил исследовать историческое наследие А.С. Лаппо-Данилевского, которое в начале XXI в. и одновременно вскрыло историческое наследие выдающегося русского историка, открыв направления дальнейших исследований.

Не меньший интерес с точки зрения типологии историографических источников представляет, на наш взгляд, все более четко определяющееся разделение исторического знания на социально ориентированное историописание и историческую науку. Именно этой проблеме был посвящен доклад *С.И. Маловичко* (Московский государственный областной гуманитарный институт) «*Непонимание как форма сосуществования разных типов исторического знания*». Опыт историографического исследования, выполненного в предметном поле интеллектуальной истории с применением источниковедческого метода, продемонстрировала *Н.В. Некрасова* (РГГУ) в докладе «*Роль В.И. Колосова (1854–1919) в формировании интеллектуального пространства Твери*», фактически конкретизировав некоторые из положений, заявленных в докладе *С.И. Маловичко* в связи с анализом соотношения социально ориентированного историописания и исторической науки.

При источниковедческом подходе существенное значение имеет и понимание личности автора исторического источника, в качестве которого и рассматривается историографическое произведение — историографический источник. Этот аспект источниковедения историографии был рассмотрен в докладе *М.Е. Колесниковой* (Северо-Кавказский ФУ) «*Биография ученого в проблемном поле истории истории*».

Особый интерес с точки зрения заявленной выше позиции представляли доклады, в которых исследовалась «творческая лаборатория» *А.С. Лаппо-Данилевского*, включая конкретные практики его обращения к изучению исторических источников.

Н.Н. Алеврас (Челябинский ГУ) в докладе «*А.С. Лаппо-Данилевский и диссертационная культура русских историков в конце XIX — начале XX в.*», обращаясь к защите *А.С. Лаппо-Данилевским* магистерской диссертации, сосредоточила внимание не на ее содержании, как это обычно делается исследователями творчества *А.С. Лаппо-Данилевского*, а на специальном анализе речи на диссертационном диспуте как особой разновидности историографических источников, порожденных диссертационной культурой. Докладчица пришла к выводу о новаторском характере речи *А.С. Лаппо-Данилевского*, о чем свидетельствует то, что «едва ли не впервые в опыте презентационных выступлений диспутантов в ней озвучивались историографические, источниковедческие и методологические аспекты защищаемой диссертации», т.е. в речи *А.С. Лаппо-Данилевского* «была представлена новая модель выступления на диспуте, ориентированная на презентацию методологических принципов диссертации». Излишне говорить об актуальности подобного опыта для современной диссертационной культуры.

В междисциплинарном пространстве источниковедения и историографии был выполнен доклад *Р.Б. Казакова* (НИУ ВШЭ) «*Источниковедение в историографических курсах А.С. Лаппо-Данилевского*». По наблюдениям докладчика, историографические курсы *А.С. Лаппо-Данилевского* выстраивались историко-ведчески, в них *Лаппо-Данилевский* решал, прежде всего, задачи источниковедческого исследования специфической категории письменных источников — источников историографических. Можно сказать, что источниковедение историографии как отрасль исторической науки начинала формироваться именно в трудах *А.С. Лаппо-Данилевского*.

Н.Ю. Болотина (РАНХиГС) в докладе «*О занятиях А.С. Лаппо-Данилевского с материалами МАМЮ, Государственного архива МИДа и МГАМИД (по материалам РГАДА)*» описала одну из важнейших составляющих исследовательской работы историка.

В целом, «круглый стол» позволил очертить исследовательское поле изучения наследия *А.С. Лаппо-Данилевского*, рецепции его идей в гуманитаристике XX — начала XXI в. и одновременно вскрыл существенные лакуны в освоении творческого наследия выдающегося русского историка-методолога, тем самым определив направления дальнейших исследований.